

М. К. Перкаль

ОТКЛИКИ РУССКОЙ ПЕЧАТИ НА СМЕРТЬ А. И. ГЕРЦЕНА

Смерть А. И. Герцена в Париже 9 (21) января 1870 г. вызвала многочисленные отклики в России. В январе—марте многие петербургские и московские газеты поместили сообщение о кончине Герцена и напечатали некрологи, часть из которых была перепечатана провинциальной прессой.¹

На смерть Герцена откликнулась и русская зарубежная демократическая печать. В феврале 1870 г. в Париже вышла посвященная Герцену брошюра «Несколько слов от русского к русским».² В апреле в возобновленном «Колоколе» со статьей «Памяти Герцена» выступил Н. П. Огарев.

Статьи о Герцене появились в крупнейших французских, бельгийских, швейцарских, немецких, английских, польских газетах,³ многие из них стали известны русским читателям. За границей в 1870 г. вышел сборник «Посмертных статей А. И. Герцена».

В 1870—1871 гг. в России было издано несколько художественных и публицистических произведений Герцена, появились отклики на некоторые издания.⁴

Имя Герцена, таким образом, оказалось в центре внимания русских и зарубежных газет и журналов. И все это — в условиях продолжавшегося реакционного курса самодержавия.

В 1869 г. министр внутренних дел А. Е. Тимашев подал Александру II «всеподданнейший доклад», в котором доказывал, что только часть периодических изданий отстаивает самодержавие как форму политического правления в России; вся остальная печать, как утверждал министр, различными средствами проповедует ограничение верховной власти.⁵

Того же мнения придерживался и главный начальник III отделения П. А. Шувалов, подозревавший едва ли не всю столичную и московскую прессу и проповеди «разрушительных начал».⁶

Обвиняя большинство столичных и московских периодических изданий в стремлении поколебать «основы», начальник III отде-

ления явно преувеличивал. Многие из перечисленных им журналов и газет не выходили за рамки умеренной оппозиционности. Однако доклад Шувалова — важное свидетельство неоднородности русской прессы, наличия в ней, наряду с реакционно-охранительным, оппозиционных и демократических тенденций.

В ноябре 1869 г. под председательством кн. С. Н. Урусова была учреждена Особая комиссия для пересмотра действующих постановлений о печати и цензуре. По этому поводу А. В. Никитенко записал в дневнике: «Туча, грозящая печати, все ближе и ближе надвигается. Князю Урусову поручено составить комиссию для начертания новых законов о печати. . . комиссии этой заранее дана задача составить законы репрессивного свойства. . .».⁷

В конце сентября 1870 г. вместо уволенного за либерализм М. Н. Похвиснева начальником Главного управления по делам печати был назначен генерал М. Р. Шидловский со специальной целью — «подтянуть печать». Шидловский оправдал возлагавшиеся на него надежды: его деятельность на этом посту ознаменовалась многочисленными репрессиями против печати.⁸

С особой настойчивостью Шидловский пресекал попытки издать в России сочинения Герцена. По распоряжению Главного управления по делам печати были запрещены и почти полностью уничтожены вышедшие в 1869—1871 гг. сборник художественных и публицистических произведений Герцена тридцатых-сороковых годов под названием «Раздумье (Разные вариации на старые темы)», отдельное издание «Писем об изучении природы», речь, произнесенная в 1837 г. при открытии публичной библиотеки в Вятке, «Письма из Франции и Италии» (изданы под названием «О причинах упадка Франции»), роман «Кто виноват?».⁹

Не ограничиваясь этим, в январе 1871 г. Шидловский направил шефу жандармов проект «высочайшего указа», которым запрещалось издание сочинений «государственных преступников». Шидловский считал необходимым принять эту меру безотлагательно — «до утверждения . . . в законодательном порядке».¹⁰

Такой указ, по докладу шефа жандармов, был подписан Александром II 18 февраля 1871 г.¹¹ «Высочайший» указ явился выражением общего реакционного курса самодержавия. Непосредственным же поводом для его подписания послужили изданные в конце шестидесятых—начале семидесятых годов произведения Герцена. На этот счет имеется прямое указание одного из влиятельных членов Главного управления по делам печати Н. А. Ратынского. На заседании совета 16 февраля 1882 г. он заявил: «Это высочайшее повеление объявлено было в 1871 году ввиду предпринятого тогда в Москве частною компаниею издания прежних герценовских сочинений».¹²

Указ 1871 г. надолго предрешил судьбу литературного наследия Герцена в России. Подвергались запрещению (по существу без рассмотрения) все произведения Герцена, а также статьи других авторов, в которых приводились выдержки из сочинений

Герцена; из гимназических учебников исключались разделы о Герцене и Огареве.¹³ Некоторые произведения Герцена все же появились в семидесятые годы, но вышли анонимно («Ум хорошо, а два лучше», «Село и деревня») или были напечатаны по недосмотру (письмо «О свободе воли»).¹⁴ Ссылки на пресловутый указ содержатся в документах вплоть до 1900 г.¹⁵

Скоро, однако, обнаружилось, что, призванный служить целям борьбы самодержавия против непрекращающегося влияния Герцена указ в ряде случаев становился помехой в этой борьбе. Необходимость следовать духу и букве «высочайшего повеления» сковывала рвение непомерно благонамеренных авторов и ставила в тупик цензуру. Именно в таком духе оценивал указ 1871 г. уже упоминавшийся Ратынский. По его свидетельству, указ постепенно утрачивал силу закона — «по невозможности исполнять его с строгой точностью в ущерб иногда благонамеренным целям авторов и общим видам современных правительственных властей».¹⁶

Такое отношение к указу определило двурушническую тактику цензуры. Откровенно враждебные, заведомо тенденциозные статьи против Герцена не только беспрепятственно пропускались, но и аттестовывались как «вполне благонамеренные», несмотря на то, что в них приводились выдержки из запрещенных произведений. Примером подобной тактики может служить оценка статьи «Посмертные сочинения Герцена (письмо из Берлина)», напечатанной в 1871 г. в «Русском вестнике» (№ 2). Проникнутая ненавистью к Герцену и революционной эмиграции, статья получила полное одобрение цензуры, несмотря на то, что в ней приводились многочисленные выдержки из «Былого и дум». Председатель московского цензурного комитета И. Росковшенко ходатайствовал перед начальником Главного управления по делам печати о пропуске статьи. Он писал: «Редакция „Русского вестника“ обставила все эти выдержки рассуждениями, обличающими пустоту и ничтожество всех этих людей словами самого Герцена. Статья эта в высшей степени благонамеренна; для тех людей, которые видели в Герцене серьезного агитатора, она представляет в истинном свете все его ничтожество, а также пошлость окружающих его людей».¹⁷

Опасаясь нежелательных для властей откликов на смерть Герцена, петербургский цензурный комитет в спешном порядке принял специальное постановление: «Относительно статей, появившихся тотчас же по известии о кончине Герцена, комитет находит, что печатание статей, сочувственно выставляющих всю деятельность Герцена, признанного государственным преступником, совершенно неуместно в изданиях подцензурных и определил дозволить к печати только фактические сведения о смерти его и литературных трудах, напечатанных в России».¹⁸

Это постановление, как и другие меры правительства, определило во многом и содержание, и характер появившихся в 1870—1871 гг. статей о Герцене.

Лагерем реакции смерть Герцена была встречена едва ли не ликованием. «Современные известия», «Голос», «Весть» и некоторые другие газеты поместили откровенно враждебные по отношению к Герцену статьи. Не решаясь отрицать огромной популярности Герцена в пятидесятых — начале шестидесятых годов, реакционная пресса заявляла, что его влияние на общественную жизнь своего времени было «вредным» и «пагубным». Эти выпады сопровождались утверждениями, что еще задолго до смерти Герцен утратил связь с Россией и потерял в глазах читателей свой «кредит».

Так, издававшийся Н. П. Гиляровым-Платоновым «Современные известия» в воскресном номере 11 января в развязном тоне писали о смерти Герцена: «Не все ли равно, жив он или умер? Для России и для русских он давно умер».¹⁹

Называя Герцена одним из талантливейших публицистов своего времени, газета «Русские ведомости» (1870, 11 января) вторила: «Как бесплодно прошла жизнь этого человека!».

В том же номере «Русских ведомостей» были приведены изобилующие ошибками и неточностями биографические сведения о Герцене и перечислены (тоже с ошибками) некоторые его произведения.

На смерть Герцена откликнулась и газета В. Д. Скарятин «Весть» — рупор наиболее реакционной части дворянства. «Газета крепостников» — так еще в 1866 г. определил направление «Вести» Герцен.²⁰ В статье по поводу Герцена анонимный автор, декларируя свою объективность, поставил своей целью рассказать о тех сторонах деятельности Герцена, которые, «очистясь в горниле времени», останутся «полезным и ценным вкладом в дело развития русской мысли и русской жизни». Это на словах. А на деле автор противопоставляет Герцена-писателя Герцену-публицисту. Его политическая деятельность характеризуется как одна из «бесспорно темных и вредных сторон его общественной карьеры». Что касается литературного творчества, то автор вынужден признать непреходящее значение «Кто виноват?», «Доктора Крупова» и некоторых других его произведений. Но и здесь сделана оговорка: оказывается, присущая Герцену «тенденциозность» не позволила ему стать первоклассным беллетристом и низвела его до уровня «поверхностного публициста и агитатора».

«Весть» затеяла полемику с «Современными известиями» по поводу того, кто из русских публицистов первым открыто выступил против Герцена. Автор «Вести» доказывал, что эта «честь» принадлежит не издателю «Русского вестника» Каткову, как утверждают «Современные известия», а Б. Н. Чичерину, автору «Обвинительного акта», напечатанного в «Колоколе» в 1858 г. По словам автора, выступление Чичерина против Герцена впервые поколебало его авторитет. На все лады превозносит автор Чичерина, именуя его поступок «подвигом», «важной заслугой».

18 января 1870 г. «Биржевые ведомости», как и «Весть», поместили пространную, в целом недоброжелательную статью, в которой слова о Герцене потонули в массе цитат из Библии, «языческих» философов, Священного писания и пр. «Человек страстных симпатий и самых упрямых антипатий. . .», «сын мира, работающий вражде», «фанатический верователь» — таковы образчики пустословия и вражды газеты.²¹

Позднее, 22 апреля, «Биржевые ведомости» перепечатали из австрийской газеты «Neue Freie Presse» материалы полемики между немецким публицистом К. Блиндом, обвинявшим Герцена в панславизме и враждебном отношении к европейской культуре, и польским эмигрантом Н. Лабинским, опровергнувшим эти обвинения. «Биржевые ведомости», не раз выступавшие против Герцена,²² на сей раз не решились открыто поддержать абсурдные измышления. Однако тенденциозный заголовок, которым сопровождалась публикация — «Был ли покойный Герцен панславистом или нет?», — не оставлял сомнений в том, на чьей стороне симпатии газеты.

Враждебные выпады реакционных публицистов против Герцена не остались без ответа. В защиту Герцена подняли голос «Русская летопись», «Всеобщая газета» и некоторые другие издания.

Например, «Русская летопись» (издавалась профессором Петровской сельскохозяйственной академии М. В. Неручевым и управляющим фермой М. В. Щепкиным) писала: «Даже самые ожесточенные его противники признавали искренность его слова, верность однажды принятым началам и горячую любовь к родине». Критик «Русской летописи» заявлял, что объективная оценка деятельности Герцена требует признания за ним не только литературных заслуг, поскольку он первый поднял голос за отмену крепостного права, за уничтожение телесных наказаний, за освобождение слова от цензуры (1870, № 3, с. 104—105).

Статья в «Русской летописи» вызвала гнев министра государственных имуществ, направившего в Петровскую академию письмо: «Нельзя не удивляться мыслям, набросанным в этой статье, и нельзя не скорбеть, что подобные заявления имеют место в газете, издаваемой профессором и управляющим фермой». Совету академии пришлось заняться этим инцидентом. Оба издателя газеты были вынуждены покинуть академию, а газета была закрыта по распоряжению Министерства внутренних дел.²³

Помимо «Русской летописи», в защиту Герцена выступила выходившая в Москве «Всеобщая газета» (издатель И. Н. Кушнерев). В некрологе от 21 января 1870 г. анонимный автор писал: «Многие русские газеты, послав проклятия на свежую могилу Искандера, который всю жизнь, всем существом своим отдавался на служение родине, уже исполнили свое дело. Но имя Герцена слишком велико, чтобы эти проклятия злобы и ненависти могли набросить хотя какую-нибудь тень на его далекую от нас могилу. . . чтя до последней минуты жившее в душе отверженного изгнанника святое чувство любви к родине, мы, во имя

истины и справедливости, добрым словом почтим его память и от лица свободного русского народа не камень осуждения, а венок любви положим на его свежую могилу».

Эта страстная отповедь клеветникам и защита Герцена не остались без последствий. Министр внутренних дел А. Е. Тимашев представил царю доклад, в котором указал, что, несмотря на предостережения, газета следует прежнему «вредному» направлению.²⁴ «Всеобщей газете» было объявлено второе предупреждение за «неуместное восхваление публицистической и политической деятельности Герцена» и «крайне предосудительное направление».²⁵

Две столичные газеты либерального толка — «Санкт-Петербургские ведомости» и «Неделя» — оказались в стороне от полемики и откликнулись на смерть Герцена весьма сдержанными статьями.

«Санкт-Петербургские ведомости» в статье 13 января отдали дань уважения Герцену, назвав его, наряду с Гоголем, Белинским, Грановским и Тургеневым, «главнейшим выразителем широкого и плодотворного умственного движения, подготовившего общество ко многим преобразованиям нашего времени». Однако от оценки заграничной деятельности автор отказался на том основании, что «она осуждена законом» и, кроме того, говорить о ней «еще преждевременно». Тем не менее автор статьи не преминул воспользоваться поводом, чтобы очернить «дикое фразерство» молодой русской эмиграции, от которой Герцен, по его словам, «отпрянул с негодованием».

В «Неделе» были напечатаны две статьи о Герцене, но от какой-либо оценки его деятельности газета, как и другие либеральные издания, по существу уклонилась. В январе 1870 г. (в самом конце номера!) появился бесцветный и уклончивый по содержанию некролог, при чтении которого невозможно отрешиться от мысли, что автор озабочен не столько желанием поведать читателям о жизни и деятельности Герцена, сколько стремлением любыми путями отмежеваться от своего бывшего сотрудника и заявить о своей полнейшей благонамеренности.²⁶

От оценки политической деятельности газета отказалась, предоставив ее «будущему». А затем следует тирада, полная неуклюжих оговорок: «Мы можем сказать только одно: что его жизнь, его многочисленные связи, его отношение к русской эмиграции, о чем до нас доходили лишь самые смутные известия, по всей вероятности, представляют богатый материал для характеристики нашего времени. Судя по некоторым известиям, сообщениям, например, г. Погодиным. . . Герцен горячо любил Россию и относился с искренним сочувствием к последним реформам. . .». «По всей вероятности», «судя по некоторым известиям» и пр. — таковы приемы либерального критика. Даже биографические сведения о Герцене приведены с ссылкой на «Санкт-Петербургские ведомости», откуда они были заимствованы (т. е. 1870, № 3, 18 января, с. 110).

1 февраля 1870 г. «Неделя» поместила статью «Иностранная газета о Герцене». Как было отмечено, западноевропейская пресса широко откликнулась на смерть Герцена. Буржуазные газеты, не останавливаясь перед фальсификацией, поспешили принизить значение деятельности Герцена. Статьи в демократической печати, наоборот, были проникнуты сочувствием к Герцену. В отборе материалов для своего обзора «Неделя» избрала путь «золотой середины»: не касаясь деятельности Герцена, она перепечатала на своих страницах материалы «о частной жизни и личного его характера». Из «Кельнской газеты» были заимствованы сведения об И. А. Яковлеве и учении Герцена дома и в университете; из «Neue Freie Presse» «Неделя» перепечатала письмо Г. Раша, сообщавшего подробности о жизни Герцена в Париже в первые годы эмиграции.

Среди появившихся в 1870 г. статей должен быть отмечен анонимный некролог в «Вестнике Европы» (№ 2) (его автором был М. М. Стасюлевич). Этот некролог Т. П. Пассек находила «прекрасным» и перепечатала его в сокращении в третьем томе своих воспоминаний.²⁷ В последнее издание мемуаров Пассек некролог не вошел, поскольку, по мнению А. Н. Дубовикова, готовившего это издание к печати, данная М. М. Стасюлевичем оценка деятельности Герцена «полностью устарела» и статья не представляет никакого интереса, в том числе исторического.²⁸

Действительно, автор некролога не выходит за пределы либеральной интерпретации Герцена. К тому же в статье немало ошибочных суждений и противоречивых высказываний. И тем не менее, на наш взгляд, некролог в «Вестнике Европы» представляет определенный интерес как одно из немаловажных свидетельств борьбы вокруг идейного наследия Герцена.

Некролог был напечатан после того как большинство газет уже выразило свое отношение к Герцену. Стасюлевич как бы не удостоивает внимания грубые, тенденциозные, озлобленные выпады против Герцена ряда газет, а выступает против тех изданий, которые под различными предлогами уклонились от оценки деятельности Герцена.

Свой отказ от «серьезной критики» Герцена газеты мотивировали тем, что его произведения, в силу тяготеющего над ними запрета, недоступны читателям. Подобные доводы критик «Вестника Европы» назвал «прозрачным лицемерием» и напомнил, что в течение последних пятнадцати лет произведения Герцена широко распространялись в России; его деятельность встречала сочувствие не только отдельных людей, но и у «значительной части общества», не только у носителей «крайних мнений», но и в «среднем уровне». Отсюда вывод, что вопрос о Герцене — «не единичный вопрос об отдельной личности», как это пытаются представить некоторые газеты, а вопрос о том обществе, в котором эта деятельность протекала.

«Вестник Европы» опровергает и другой довод: всесторонняя оценка Герцена якобы доступна только будущим поколениям.

«Деятельность Герцена, — пишет критик, — совершалась и производила свое действие в наше время и отражалась так или иначе на наших мнениях, возбуждала в нашей среде сочувствие или ненависть».²⁹

В отличие от большинства публицистов, сводивших всю деятельность Герцена к борьбе против крепостничества, автор подчеркивает, что крепостное право — лишь одно из многих явлений русской действительности, к которым Герцен относился с «полным отрицанием».

Статья в «Вестнике Европы» полемически направлена также против критиков, пытавшихся причислить Герцена к славянофильскому лагерю. Признавая, что в «идеалистическом увлечении» Герценом сельской общиной имелся «оттенок славянофильства», автор в то же время считает, что у Герцена славянофильства было меньше, чем у кого-либо.

Реакционная критика утверждала, что в конце жизни, разуверившись в прежних идеалах, Герцен остановился в своем идейном развитии. По мнению Стасюлевича, Герцен, напротив, — «человек живой, умный и любящий, не был упрямым доктринером старых мнений и воспринимал влияние времени и событий».

В целом, как считал Стасюлевич, русская печать оказалась не в состоянии осмыслить значение деятельности Герцена. Автор обвиняет газеты в узости взгляда, в боязни ставить важные вопросы, в нежелании содействовать пробуждению «истинного сознания».

Автор некролога не допускает по отношению к Герцену ни одного критического замечания. Более того, он предвидит, что своей защитой Герцена рискует заслужить репутацию его «партизана», «поборника» и навлечь на себя «новые пошлые доносы».

Восстанавливая отношение русской печати к Герцену в 1870 г., необходимо еще раз подчеркнуть, что далеко не все издания, в силу тяготевшего над ними цензурного гнета, имели возможность выразить свое подлинное отношение к Герцену. Несколько посвященных Герцену статей было напечатано в изуродованном цензурной виде.

Так, был запрещен некролог Герцена для «Иллюстрированной газеты» (издатель В. Р. Зотов). Статья представляла собой перепечатку из «Санкт-Петербургских ведомостей» с некоторыми добавлениями. 23 января 1870 г. Зотов обратился с запросом о причинах запрещения некролога. Через месяц последовал ответ, в котором излагалось приведенное выше постановление петербургского цензурного комитета (о запрещении касаться в печати политической деятельности Герцена) и, кроме того, отмечалось: «...представленная редакцией „Иллюстрированной газеты“ статья о Герцене, извлеченная из „С.-Петербургских ведомостей“, признана неудобною к дозволению, тем более, что редакция сделала к статье добавление, в котором упрекаются за холодность к памяти Герцена все русские повременные издания, прошедшие

молчанием о смерти „русского высокоталантливого писателя, имевшего горькое несчастье умереть эмигрантом, вдали от своего отечества и народа“.³⁰

Некролог был напечатан в «Иллюстрированной газете» лишь 26 марта 1870 г. Он состоял из 17 строк, причем о деятельности Герцена после 1847 г. не было сказано ни слова.

Подобная участь постигла статью Н. А. Демерта «По поводу известия о смерти Герцена» для февральской книжки «Отечественных записок».³¹ Еще до ее опубликования член совета Главного управления по делам печати Ф. М. Толстой писал Некрасову: «Советую Вам перечитать внимательно статью о Герцене. Тут столько *скрежета зубовного* и такое прозрачное преклонение перед авторитетом *великого человека*, что вряд ли это пройдет даром для «От(ечественных) записок»...».³² Некрасову пришлось переделать статью.

Выражение сочувствия к Герцену, признание его заслуг перед Россией и русским народом воспринималось властями как осуждение самодержавия за непрестанные гонения, заставившие Герцена покинуть родину и умереть на чужбине. Именно в таком духе был истолкован некролог, предназначавшийся для февральской книжки журнала «Дело». Цензор в своем рапорте указал, что в статье содержится «похвала» политической деятельности Герцена, «якобы деятельности страдальца за благо и преуспевание русского народа», и выражается «подобострастное уважение к его литературным талантам». «Выражение такого теплого, благоговейного сочувствия к эмигранту и сожаление о его участи, — резюмирует цензор, — есть вместе с тем... порицание причин, заставивших Герцена эмигрировать, т. е. распоряжений и действий правительства в отношении этого лица...».³³

Завершая обзор газетных и журнальных статей, дававших общую оценку деятельности Герцена, необходимо подчеркнуть, что даже те издания, которые осмелились выступить в защиту Герцена, не выходили за рамки либеральной оценки его деятельности. Признание этими изданиями значения Герцена для современности сопровождалось утверждениями, что цели, во имя которых боролся Герцен, уже достигнуты, что благодаря правительственным реформам 60-х гг. его политическая программа уже осуществлена.

Наряду с сообщениями о смерти и некрологами в 1870—1871 гг. появились работы обобщающего, концептуального характера. Так, в февральской книжке «Зари» была напечатана статья «Отрывок из дорожных записок 1865 года», принадлежавшая перу давнего противника Герцена, М. П. Погодина. Погодин не скрывает, что Герцен был одним из его «наилютейших» врагов. Дружеские связи Герцена с Маццини, Гарибальди и другими «коноводами революции» вызывают в нем нескрываемую вражду. И, несмотря на это, Погодин пытался уверить читателей (и это являлось, по-видимому, основной целью его выступления), что не так уж много их разделяло. Говоря о своей давней полемике с Герценом,

Погодин повторяет утверждения о том, что в России есть много такого, чему «Запад может завидовать». Что именно Погодин имел в виду, ясно хотя бы из его статьи «За русскую старину», в которой совершенно в духе официальной народности нарисована идиллическая картина благоденствия допетровской Руси — «отеческое управление, патриархальная свобода. . . семейное равенство, общее владение. . . мирская сходка».³⁴ Именно эти начала русской жизни, отличающие Россию от западного мира, по мнению Погодина, следовало изучать, развивать и совершенствовать.

Как утверждает Погодин, Герцен был близок к этим началам и даже написал «много в этом роде». Но за этим утверждением следует оговорка, выражавшая сокровенные чаяния Погодина: «. . . написанное там, на чужбине, совсем не то, что было бы написано здесь, дома. Там Герцен был все-таки в зависимости от всей обстановки. . . дышал одним с нею воздухом, а здесь, в карантине, он был бы безопасным наблюдателем и беспристрастным судьей».³⁵ Итак, «безопасный наблюдатель» в «отечественном карантине» — таким Погодин хотел бы видеть Герцена.

Стремясь во что бы то ни стало представить Герцена «своим», Погодин был готов принять с некоторыми оговорками программу возобновленного «Колокола» и одобрить намерение Герцена продолжать обличение правительственного произвола, но советовал смягчить тон. Письмо заканчивалось призывом: «Оставьте в покое настоящие наши вопросы».

Герцен, как известно, не внял увещаниям Погодина и не свернул с избранного пути. Надежды Погодина на то, что Герцен испросит «всемиловнейшее» прощение и тем самым послужит «молодому поколению живым уроком», не оправдались.

С циклом очерков «Литературная деятельность Герцена» выступил в том же журнале критик «почвеннического» направления Н. Н. Страхов.³⁶ Философ-идеалист, противник западноевропейского и русского социализма, выступавший с нападками на Чернышевского, Добролюбова и других писателей революционно-демократического лагеря, Страхов видел в Герцене своего идейного противника.

Первая статья Страхова датирована 10 марта 1870 г., когда большинство газет уже высказало свое отношение к Герцену. Резюмируя эти высказывания, Страхов писал: «Его преступные увлечения, его измена делу русского народа, пагубное влияние, которое он произвел на нашу молодежь, — вот главный вопрос этих толков». Страхов не опровергает этих измышлений. Более того, сам критик отрицает какое-либо положительное значение политической деятельности Герцена и старается уверить читателей в том, что она не оставила никаких следов в русской общественной жизни. «Давно упало его влияние, — писал Страхов, — давно изгладились даже все следы его. . .».³⁷

Герцену-«агитатору» критик противопоставляет Герцена-литератора. Герцен, как утверждает Страхов, был рожден не деятелем, а мыслителем и художником; его художественные произведения

«пережили эфемерную славу политического вождя». Они будут жить в воображении читателей даже тогда, когда по выражению Страхова, изгладится всякая память о его «агитаторских выходках». Весь очерк Страхова (более 100 страниц) посвящен оценке художественного творчества Герцена.

Основополагающей чертой мировосприятия Герцена, его душевного строя, его общественно-политических и философских взглядов Страхов объявляет пессимизм. Критик утверждает, что темная сторона мира открывалась Герцену яснее, чем светлая; болезненные и печальные явления он воспринимал более чутко, чем все другие. При этом автор очерков не допускает возможности эволюции взглядов Герцена, считая пессимистическое восприятие изначально ему присущим — «от начала и до конца его поприща». В этом Страхов видит ключ к разгадке всей литературной деятельности Герцена и под этим углом зрения подвергает рассмотрению все его художественные произведения. В каждом из них, начиная от юношеских «Еще из записок одного молодого человека», критик обнаруживает «безотрадное, мрачное воззрение на мир».

Причину трагедии Герцена «почвенник» Страхов видит в отрыве от национальных начал и в разочаровании в началах европейских. Финал идейных исканий Герцена сформулирован Страховым следующим образом: «Отчаявшийся западник превратился в нигилистического славянофила, а во многих отношениях оказался истинно русским человеком».³⁸

Статьи Страхова — один из примеров обеднения и извращения духовного облика писателя в угоду предвзятой схеме. Одним из первых это почувствовал Ф. М. Достоевский. Взгляд Страхова на Герцена как на рефлектирующего интеллигента, оторвавшегося от национальной почвы и разочаровавшегося в началах европейских, в какой-то мере оказался созвучным представлениям Достоевского.³⁹ Вместе с тем Достоевский ставит под сомнение искренность Страхова, стремившегося использовать наследие Герцена в духе развиваемой им «почвеннической» концепции. В письме к Страхову от 24 марта (5 апреля) 1870 г., вскоре после опубликования первого очерка в «Заре», Достоевский писал: «Мартовскую книжку „Зари“ прочел с великим удовольствием. С нетерпением жду продолжения Вашей статьи, чтобы все понять в ней. Я предчувствую, что Вы, главное, хотите представить Г[ерцена] как западника и поговорить об западе, в противоположении с Россией, так ли? Вы чрезвычайно удачно поставили главную точку Г[ерцена] — пессимизм. Но признаете ли Вы действительно (подчеркнуто Достоевским. — М. П.) сомнения его («Кто виноват?», «Крупов» и т. д.) неразрешимыми? Вы это, кажется, обходите и для того, чтоб высказать специально Вашу главную мысль».⁴⁰

Примечательно, что тенденциозность, натянутость взглядов Страхова не укрылись от внимания цензуры. Появление очерков в «Заре» поставило цензуру в затруднительное положение. Признание Страховым литературного таланта Герцена, многочисленные

выдержки из его сочинений — все это должно было вызвать репрессии против издания, поместившего подобную работу. Однако полнейшая благонамеренность очерков Страхова побудили цензуру прибегнуть, как и в других случаях, к обходным путям.

Петербургский цензурный комитет направил в Главное управление по делам печати доклад, в котором утверждалось, что в очерках Страхова, несмотря на обилие цитат из Герцена, «не приводится никаких вредных тенденций и не заключается изложения каких-либо вредных политических учений». Встречающиеся в статье «похвалы» литературной деятельности Герцена имеют, как отмечено в докладе, «односторонний характер и даже благонамеренный колорит».

Наблюдавший за направлением «Зари» член совета Главного управления по делам печати Еленев согласился с этим мнением, но отметил в своем отзыве то, чего не было в докладе, — тенденциозность взгляда Страхова. «Цель статьи, — заявил он, — доказать, что Герцен под конец своего литературно-политического поприща был разочарован демократической и революционной Европою и уверовал в национальное начало русской жизни. . . Несмотря на неверность такого взгляда, слишком явно противоречащего всей деятельности Герцена, статья эта не имеет вредных политических тенденций. . . Цитаты, приводимые из сочинений Герцена, служат лишь к доказательству предвзятого автором статьи положения. . .».⁴¹

Столь же определенно высказался о статье Страхова другой член совета, В. Я. Фукс: «. . . Выводы автора статьи натянуты до очевидности, ибо если согласиться с ними, то надо признать, что или Герцен в последнее время своей жизни преклонялся перед основными началами, признаваемыми славянофилами, т. е. православием и самодержавием, или что само славянофильство отстранилось от этих начал».

Фукс, как и Еленев, нашел статью Страхова вполне благонамеренной, и публикация в «Заре» не вызвала репрессий.⁴²

В начале семидесятых годов в истолковании Герцена наметилась и другая версия: Герцен якобы никогда не был революционером и на всех этапах своей деятельности проповедовал самые умеренные взгляды. Таким Герцен предстает в очерках А. М. Скабичевского.⁴³

Скабичевский прежде всего опровергает установившийся в литературе о Герцене «стереотип»: он якобы всю жизнь, чуть ли не с колыбели, подвергал отрицанию и разрушению все общественные установления, возбуждал в молодом поколении дух отрицания, оторвался от родной почвы, порвал с Россией и, в конечном счете, оказался забытым. При таком подходе, заявляет критик, утрачивается представление о связи Герцена с породившей его эпохой, о причинах его огромного влияния на современность. Личность Герцена делается «какой-то загадкой, случайным, бессвязным явлением, баснословным минотавром».

В противоположность сложившемуся «стереотипно-мелодраматическому взгляду» Скабичевский подчеркивает теснейшую связь Герцена со своей эпохой: «В личности. . . Герцена вы видите наслонение всех прогрессивных направлений, господствовавших в нашей литературе начиная с двадцатых годов и до 60-х—80-х». ⁴⁴ Развивая эту мысль, Скабичевский называет Герцена «вполне человеком 20-х годов», «шеллингистом 30-х годов», «гегельянцем-занадником» кружка Белинского и, наконец, «фейербахистом 50-х годов». В этой многогранности Герцена критик видит «секрет» его огромного влияния.

Рассказ о жизни Герцена, местами буквально повторяющий «Былое и думы», анализ «Записок одного молодого человека», цикла «Дилетантизм в науке», «Писем об изучении природы», романа «Кто виноват?» и других произведений Герцена — все это могло вызвать интерес читателей к очеркам Скабичевского.

Однако отдельные верные положения очерков обесценивались общей либеральной трактовкой Герцена. Так, полемизируя с критиками, видевшими в Герцене «демона отрицания», якобы мечтавшего о «разрушении всякого порядка, семьи, собственности, о пролитии морей крови», Скабичевский доказывал, что Герцен был убежденным противником революции, «высказывал самые умеренные убеждения».

Подводя итог, Скабичевский писал: «Герцен был чистейшим идеалистом сороковых годов, который половину жизни провел в рефлексиях. . .».

Тем не менее статья Скабичевского не была пропущена цензурой. В письме к Н. А. Некрасову от 21 апреля 1871 г. Скабичевский просил отстоять статью. При этом он утверждал, что не касался политических взглядов Герцена, а старался охарактеризовать его только как «философа, моралиста и нравописателя»; из числа заграничных произведений Герцена его интересовали лишь «трактаты по самым общим историко-философским вопросам». Главная цель статьи, как ее определил Скабичевский, заключалась в том, чтобы «направить читателей, непосредственно сочувствующих Герцену, к критическому отношению к нему как к деятелю отжившему, произведению эпохи, отдаленной от нас на четверть столетия». ⁴⁵

Некрасову не удалось отстоять статью, и она была вырезана из журнала.

Касаясь этого инцидента в своих «Литературных воспоминаниях», Скабичевский писал, что он получил заверения в том, что запрещенная для «Отечественных записок» статья будет беспрепятственно пропущена в составе книги «Очерки развития прогрессивных идей в нашем обществе», издание которой он готовил. ⁴⁶ Однако уже в сентябре 1871 г. Н. А. Некрасов, издатель книги, получил предостережение члена совета Главного управления по делам печати Ф. М. Толстого: «. . . Шидловский утверждает, что он никому никаких указаний насчет статьи не делал и что во всяком случае арестует книжку, если в ней будет хоть одна

строка, лично принадлежащая перу *государственного преступника*». ⁴⁷

Книга Скабичевского «Очерки развития прогрессивных идей в нашем обществе. 1825—1860» была напечатана без предварительной цензуры в октябре 1872 г. 16 октября книга поступила в петербургский цензурный комитет. ⁴⁸ Рассматривавший издание цензор Н. Лебедев отметил в своем докладе: «Нельзя не сказать, чтобы издатель книги, Скабичевский, отнесся к Герцену совершенно беспристрастно или, так сказать, объективно. Статья его о Герцене служит некоторым образом реабилитацией его личности. Выделяя из его деятельности часть политическую и рассматривая его только как литератора, Скабичевский оправдывает между прочим его невольные увлечения той средою, в которой он вращался в юности, среди таких лиц, как Станкевич и Грановский, проникнутых гегелевскою философией и сенсмонизмом, которые не могли не иметь влияния и на Герцена и невольно делали его недовольным и неудовлетворенным современным ему общественным порядком. Увлечения Герцена издатель прощает за великую его любовь к отечеству, за горести и страдания, какие приходилось ему выносить на чужбине, и за его раскаяние и возвращение на путь истины незадолго перед кончиною. При этом автор критически и весьма подробно разбирает все изданные им сочинения в России и некоторые напечатанные за границей». ⁴⁹ На основании этого доклада петербургский цензурный комитет наложил арест на издание, о чем 18 октября 1872 г. доложил Главному управлению по делам печати.

Одна из причин запрещения книги выясняется из письма Скабичевского к Н. А. Некрасову от /24 декабря 1872 г./ По словам Скабичевского, начальник Главного управления М. Н. Лонгинов (сменивший Шидловского) обвинил автора в том, что он перепечатал в своей книге отрывки из «Былого и дум» и тем самым популяризировал Герцена в России. ⁵⁰

Рассмотрение книги Скабичевского в высших инстанциях (Главное управление, Министерство внутренних дел, Комитет министров) тянулось больше года. В декабре 1873 г. Комитет министров распространение книги признал «крайне вредным» и вынес решение об ее уничтожении. ⁵¹

В начале семидесятых годов в русской публицистике родилась еще одна легенда, согласно которой Герцен в конце жизни пересмотрел свои взгляды и отказался от революционного решения социальных вопросов. Одним из творцов этой легенды был постоянный сотрудник «Русского вестника», чиновник Главного управления по делам печати, историк П. К. Щебальский. В августе 1871 г. в «Русском вестнике» появилась его статья (за подписью П. Щ.), в которой он подверг разбору письма «К старому товарищу», напечатанные в «Сборнике посмертных статей А. И. Герцена» (вышел в Женеве осенью 1870 г.).

Адресованные Бакунину и направленные против его анархической программы и заговорческой тактики, «письма» в то же

время подвели итог идейных исканий Герцена. Разрывая с анархизмом Бакунина, Герцен сформулировал свои взгляды по важнейшим социально-политическим вопросам — о роли теории в революционном движении, о путях социальных преобразований, о функциях государства как формы политической жизни общества, о неизбежности социальных битв и возрастающей роли пролетариата в социальной революции.

Всего этого автор «Русского вестника», разумеется, «не заметил». В статье под многозначительным названием «Лучше поздно, чем никогда» Щебальский стремился доказать, что уже в конце шестидесятых годов Герцен глубоко разочаровался в том деле, которому служил. Смысл писем «К старому товарищу» критик видит в отказе Герцена от революционных идей, он якобы признает лишь «естественное течение событий».⁵² Щебальский договаривается до утверждения, что эволюция взглядов Герцена вела его по пути примирения и сотрудничества с самодержавием.

Эта версия была подхвачена буржуазно-дворянским лагерем и стала господствующей в журналистике и критике восьмидесятых-девяностых годов. В статьях С. Булгакова, П. Струве и других столпов буржуазного либерализма письма «К старому товарищу» трактовались как итоговое произведение Герцена, в котором он выступил противником революционных идей и революционного действия.

Отповедь либеральным и иным фальсификаторам Герцена дал В. И. Ленин. В работах В. И. Ленина «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» (1894), «Гонители земства и Аннибалы либерализма» (1901), «Памяти Герцена» (1912) и других раскрыта сущность социально-политических и философских воззрений Герцена, исследован характер его идейной эволюции, определена роль Герцена в истории революционного движения. Все стороны многогранной деятельности Герцена-мыслителя, революционера, создателя вольной русской прессы получили в трудах В. И. Ленина глубокое научное истолкование. Анализируя письма «К старому товарищу», В. И. Ленин писал, что, «разрывая с Бакуниным, Герцен обратил свои взоры не к либерализму, а к *Интернационалу*. . .»⁵³

В семидесятые годы представление об облике А. И. Герцена, не искаженном предвзятыми схемами, русские читатели получили из рецензии Н. В. Шелгунова на вышедший в 1870 г. сборник произведений Герцена «Раздумье».⁵⁴

В то время как реакционная пресса утверждала, что произведения Герцена утратили свою актуальность, Шелгунов со всей силой подчеркнул злободневность тех проблем, которые ставились Герценом в сороковые годы. Герцен, указывает Шелгунов, принадлежит к числу тех великих писателей, деятельность которых далеко выходит за пределы породившей их эпохи. К нему нельзя приклеить ярлык «человек 40-х годов» или даже «человек 60-х годов». Созданные Герценом произведения кажутся написанными вчера, так как касаются острейших вопросов современной жизни.

Отношение между Россией и Западом, положение народных масс, критика буржуазного общества, вопросы морали и воспитания, эмансипация женщины, роль искусства в общественной жизни — эти и многие другие проблемы, сохранившие актуальность и в эпоху семидесятых годов, находятся в центре внимания рецензируемых Шелгуновым произведений Герцена. «Главная его артиллерия, — писал Шелгунов, — выступает в критической оценке народной жизни, жизни не одного человека, а страны, и в критике идей, двигающих людьми. Здесь вас проведут по всему пути истории и логического роста народов, и вы, никогда не быв в Германии, поймете немцев, и, не быв никогда во Франции, поймете французов. Вы даже из того, что вам говорят в сороковых годах, сумеете предсказать события 1870 года. Вас переносят в самую середину умственного процесса Европы; вы чувствуете, что вас точно посадили в какую-то гигантскую голову; вы видите, как совершаются все ее процессы мысли. . . Сила критической мысли автора не в том одном, что он разбирает сам, а в том, что он заставляет думать вас».⁵⁵

Знаменательна концовка статьи: «Теперь народ должен стать лицом к лицу с буржуазией; вот поворотная точка истории Франции и европейской цивилизации, и мы становимся на ту же поворотную точку».⁵⁶

Рассмотренные материалы позволяют сделать некоторые общие выводы.

1. Никогда не прекращавшаяся борьба самодержавия против Герцена и его идейного наследия достигла особой остроты после смерти писателя, в 1870—1871 гг. Взятый в конце шестидесятых годов правительственный курс на всемерное стеснение печати нашел свое крайнее выражение в царском указе 18 февраля 1871 г., надолго определившем судьбу произведений Герцена в России.

2. В борьбе против Герцена правительство смыкалось с реакционной журналистикой. Запрещенные цензурой произведения Герцена становились предметом тенденциозного разбора на страницах ренгильной прессы.

3. Полемика в печати свидетельствовала о том, что идейное наследие Герцена нашло в России не только противников, но и приверженцев. Как ясно из приведенных документов, в 1870—1871 гг. была напечатана лишь часть благожелательных к Герцену статей.

4. В истолковании идейного наследия Герцена в эти годы определились различные тенденции, отражавшие процесс общественно-политической дифференциации русского общества. Представляя Герцена то наследником славянофилов, то «отчаявшимся западником», то либералом-постепеновцем, либеральные публицисты пытались интерпретировать Герцена в соответствии с собственными политическими целями. Рецензия Н. В. Шелгунова на сборник «Раздумье» — единственная в легальной печати начала семидесятых годов статья, написанная с демократических позиций.

¹ Библиографию некрологов Герцена см.: *Фомин А. Г.* Библиография произведений А. И. Герцена и литературы о нем. — В кн.: *Вегринский Ч.* [Чешинин В. Е.]. Герцен. СПб., 1908, с. 467—521.

² По предположению Б. П. Козьмина, автором брошюры был критик и публицист В. А. Зайцев (Лит. наследство. № 41/42. А. И. Герцен. II. М., 1941, с. 164—201).

³ Отклики на смерть Герцена по материалам иностранной печати и «пражской коллекции» / Публ. Л. Р. Ланского. — Лит. наследство. Т. 63. Герцен и Огарев. III. М., 1956, с. 523—540.

⁴ Рецензию на сборник «Раздумье» см.: Отечественные записки, 1870, кн. XI, с. 31—34. Объявление о продаже сборника см.: Киевский вестник, 1870, № 21, 20 октября (1 ноября) и № 22, 22 октября (3 ноября).

⁵ *Оржеховский И. В.* Администрация и печать между двумя революционными ситуациями (1868—1878): Лекции по спецкурсу. Горький, 1973, с. 64.

⁶ Там же, с. 65—68.

⁷ *Никитенко А. В.* Дневник. М., 1956, т. 3, с. 159.

⁸ *Арсеньев К. К.* Законодательство о печати. СПб., 1903, с. 73—80.

⁹ О цензурной истории произведений Герцена см.: *Герцен А. И.* Полное собр. соч. и писем / Под ред. М. К. Лемке. М.; Пг., 1923, т. XXI, с. 298—308; Красный архив, 1937, № 2, с. 224—225; *Добровольский Л. М.* Запрещенная книга в России. 1825—1904. Арх.-библиогр. разыскания. М., 1962, с. 9—12, 62—63, 71—72, 77, 243—244; [Письма А. В. Скалона к Герцену] / Публ. Н. П. Анциферова. — Лит. наследство. Т. 62. Герцен и Огарев. II. М., 1955, с. 572—574; *Перкаль М. К.* Царская цензура в борьбе с изданиями произведений А. И. Герцена (Обзор архивных материалов 1871—1917 гг.). — В кн.: Книга. Исследования и материалы. М., 1966, сб. XII, с. 235—253. О запрещении речи Герцена в Вятке см.: ЦГИА, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 7, л. 28—29. Отметим, что еще раньше были изъяты из продажи и уничтожены номера «Отечественных записок», где были напечатаны произведения Герцена, вошедшие в сборник «Раздумье». Из сохранившейся цензурной справки следует, что номера журнала, кроме Петербурга и Москвы, были изъяты также в губерниях Симбирской, Тверской, Калужской, Харьковской, Архангельской, Тамбовской, Екатеринославской, Бессарабской области и Черноморской береговой линии. — ЦГИА, ф. 772, оп. 1, ед. хр. 2688, л. 76 об.

¹⁰ *Герцен А. И.* Полное собр. соч. и писем, т. XXI, с. 306.

¹¹ ЦГИА, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 25, л. 2; ф. 776, оп. 4, ед. хр. 460, л. 90-а.

¹² ЦГИА, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 22, л. 36 об.

¹³ По докладу цензора А. Смирнова из книги «Курс истории русской литературы. Соч. К. Петрова» (7-е изд.) исключались с. 221—223 о литературной деятельности Герцена и Огарева. — Там же, ед. хр. 20, л. 7.

¹⁴ Фельетон «Ум хорошо, а два лучше» (Русская старина, 1871, № 11, с. 528—532) был опубликован не М. И. Семевским, как указано в комментарии к Собранию сочинений Герцена (т. 2, с. 448), а М. И. Сухомлиновым, среди бумаг которого сохранился список фельетона (см.: *Васина А. И., Лысенко Т. И.* Материалы о Герцене в архиве Академии наук СССР. — Русская литература, 1970, № 2, с. 110). Под названием «Село и деревня. Идиллический отрывок И. Г. (издание для немногих)» отдельной брошюрой был напечатан отрывок из «Былого и дум» (Казань, 1875). См. также: *Перкаль М. К.* К истории письма А. И. Герцена «О свободе воли». — Вопросы психологии, 1977, № 2, с. 162—168.

¹⁵ В марте 1900 года со ссылкой на указ 1871 г. были запрещены очерки Герцена «Скуки ради». — ЦГИА, ф. 777, оп. 4, ед. хр. 84, л. 49.

¹⁶ ЦГИА, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 22, л. 36 об.

¹⁷ ЦГИА, ф. 776, оп. 4, ед. хр. 46, л. 91об.

¹⁸ Там же, оп. 3, ед. хр. 410, л. 31.

¹⁹ Критик «Отечественных записок» Н. А. Демерт в обзоре некрологов Герцена не исключает, что автором статьи в «Современных известиях» мог быть сам издатель-редактор газеты. По словам Демерта, «бывший бакалавр духовной академии» Гиляров-Платонов покинул на время разработку главных вопросов своей газеты — «о перестройке московского гостиного двора» — и поместил статью о Герцене, написанную «топорной работы языком» (Отечественные записки, 1870, т. 188, с. 375).

²⁰ *Герцен А. И.* Собр. соч., т. 19, с. 28.

²¹ По поводу этой статьи Н. А. Демерт не без иронии заметил, что автором ее

могла быть «особа духовная и притом чином не ниже протоиерен» (Отечественные записки, 1870, т. 188, с. 380).

²² В 1869 г. в русской прессе началась клеветническая кампания против Герцена в связи с распространившимися ложными слухами о его отказе от политических убеждений и желании возвратиться в Россию. Особенно усердствовали в распространении этих слухов «Биржевые ведомости», поместившие по этому поводу длинную статью (см. письма Герцена [Редактору и издателю «Биржевых ведомостей»] и [Редактору-издателю «Голоса»]). — *Герцен А. И.* Собр. соч., т. 20, с. 517, 556).

²³ *Кузнецов А.* Литературное Петровское-Раузовское (страницы хроники). М., 1963, с. 11—12.

²⁴ На полях доклада рукой Александра II сделана запись: «Желаю видеть эту статью». Некролог Герцена был представлен царю на следующий день (ЦГИА, ф. 776, оп. 2, ед. хр. 6, л. 5).

²⁵ ЦГИА, ф. 776, оп. 2, ед. хр. 7, л. 62—63.

²⁶ В 1868—1869 гг. в «Неделе» были напечатаны очерки Герцена «Скуки ради» (псевдоним И. Нионский). Об истории публикации очерков см.: *Герцен А. И.* Собр. соч., т. 20, кн. 2, с. 822—828.

²⁷ Из дальних лет: Воспоминания, Т. П. Пассек. СПб., 1889, т. 3, с. 246—255.

²⁸ *Пассек Т. П.* Из дальних лет: Воспоминания. М., 1963, с. 475.

²⁹ Вестник Европы, 1870, № 2, с. 938.

³⁰ ЦГИА, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 410, л. 31—32. См. также рапорт цензора Лемана по поводу статьи (ЦГИА, ф. 777, оп. 3, 1863, ед. хр. 53, л. 59).

³¹ Отечественные записки, 1870, т. 188, с. 373—388.

³² *Чуковский К. И.* Собр. соч. М., 1967, т. 5, с. 415.

³³ Красный архив, 1940, № 1 (98), с. 261. По предположению Б. И. Есина, автором статьи в журнале «Дело» был Н. В. Шелгунов (Из истории русской журналистики второй половины XIX в.: Статьи, материалы, библиографии / Под ред. проф. А. В. Западова. М., 1964, с. 161—164).

³⁴ Москвитини, 1845, № 3, отдел «Смесь», с. 27—32. Против Погодина была полемически направлена статья Герцена «Несколько слов по поводу статьи „За русскую старину“». Подробно о полемике с Погодиным см.: *Степанов Н. Н.* А. И. Герцен в борьбе с реакционной публицистикой и историографией в 40-х годах. — В кн.: А. И. Герцен. Исследования и материалы: Сб. научных трудов ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1974, с. 3—43; *Перкаль М. К.* Неосуществленный проект журнала «Московское обозрение» (1844). — В кн.: Освободительное движение в России: Межвузовский научный сб. Саратов, 1977, вып. 6, с. 50—61.

³⁵ Заря, 1870, № 2, с. 76.

³⁶ Там же, 1870, № 3, с. 92—127; № 4, с. 72—106; № 12, с. 232—269.

³⁷ Там же, 1870, № 3, с. 93.

³⁸ Там же, 1870, № 12, с. 268. Н. Страхову принадлежит также небольшая заметка «Предсказание нынешней войны, сделанное Герценом» (Заря, 1870, № 8, с. 176—180. Датировано 14 августа 1870 г.). Заметка вызвана поразившим Страхова высказыванием Герцена в «Былом и думах» о неизбежности новой европейской войны. «Герцен сам делает предсказание, — пишет Н. Страхов, — притом не какое-нибудь общее, а совершенно ясное и определенное, так что, сравнивая это предсказание с современными событиями, нельзя не прийти в изумление». Повторив утверждение о пессимизме Герцена как основе его мироощущения, Н. Страхов вынужден, однако, сделать существенную оговорку: «мрачный взгляд» Герцена, оказывается, вытекает не из «одного личного настроения», а содержит в себе «великую долю правды».

³⁹ По мнению А. С. Долинина, «весь Герцен», интерпретируется Достоевским «по лукавой книге» Н. Страхова. Как полагает Долинин, пессимизм, охвативший Герцена после революции 1848 г., отразился в романе «Подросток» в образе Версилова (см.: *Долинин А. С.* В творческой лаборатории Достоевского (История создания романа «Подросток»). М., 1947, с. 69—78). См. также: *Достоевский Ф. М.* Собр. соч. М., 1957, т. 8, с. 637—638; *Долинин А. С.* Последние романы Достоевского. Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». М.: Л., 1963, с. 104—105, 106—108, 109—117, 125. Об отражении в образе Версилова облика Герцена см.: *Гроссман Л.* Достоевский. М., 1965, с. 496—497.

⁴⁰ Достоевский Ф. М. Письма. Т. II. 1867—1871 / Под ред. и с примечаниями А. С. Долинина. М.; Л., 1930, с. 259.

⁴¹ ЦГИА, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 8, л. 48.

⁴² Там же, л. 49.

⁴³ В сентябре 1870 г. «Отечественные записки» начали публикацию «Очерков развития прогрессивных идей в нашем обществе» А. Скабичевского. В апрельской книжке журнала за 1871 г. был напечатан очерк о Герцене. До выхода в свет статья подверглась запрещению и была вырезана из журнала.

⁴⁴ Скабичевский А. Очерки развития прогрессивных идей в нашем обществе. 1825—1860. СПб., 1872, с. 254.

⁴⁵ Литературное наследство. Т. 51/52. Н. А. Некрасов. II. М., 1949, с. 489—490.

⁴⁶ Скабичевский А. М. Литературные воспоминания / Ред., вступит. ст. и примеч. Б. Козьмина. М.; Л., 1928, с. 312—313.

⁴⁷ К. И. Чуковский, опубликовавший письмо Ф. Толстого к Некрасову, связывает его со статьей Скабичевского, предназначавшейся для «Отечественных записок» (см.: Чуковский К. И. Собр. соч. М., 1967, т. 5, с. 423). Но правильное было бы предположить, что письмо касалось не статьи, а книги Скабичевского «Очерки развития...».

⁴⁸ Дело о бесцензурной книге: Очерки развития прогрессивных идей в нашем обществе. Сочинение Скабичевского. — ЦГИА, ф. 777, оп. 2, 1872, ед. хр. 117.

⁴⁹ Там же, л. 2—3 об.

⁵⁰ Лит. наследство, т. 51/52, с. 492.

⁵¹ Из документа, датированного 18 декабря 1873 г. № 1127, следует, что один экземпляр книги остался в делах Петербургского комитета, два экземпляра были отправлены в Главное управление по делам печати (см.: Дело..., л. 5, 7).

⁵² Еще раньше подобным образом охарактеризовал письма «К старому товарищу» цензор А. Н. Майков, рассматривавший итальянский перевод этого произведения (см.: Книга. Исследования и материалы. М., 1966, XII, с. 236—237).

⁵³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 257.

⁵⁴ Шелгунов Н. В. Сочинения, СПб., 1871, т. 1, с. 278—295.

⁵⁵ Там же, с. 290.

⁵⁶ Там же, с. 295.